

СОЦИОЛОГИ О СОЦИОЛОГИИ

ЕДИНСТВО СОЦИОЛОГИИ: КОНСЕНСУС ИЛИ КОММУНИКАЦИЯ? ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ ДЖ. СКОТТОМ

В 1995 году вы опубликовали книгу, посвящённую социологической теории. Если охарактеризовать ее современное состояние одним словом...

Это, наверное, «консолидация» или «продолжение пути». Мы пережили период обилия различных теорий... и, я думаю, сейчас скорее можно говорить о конвергенции, нежели о следовании крайним теоретическим позициям. Границы становятся менее жёсткими, и происходит осознание комплементарности теоретических позиций. В этой связи проводится множество интересных дискуссий между людьми с различными теоретическими взглядами. Было бы слишком смело полагать, что мы движемся в направлении некоей единой теоретической позиции, но интенсивный диалог и коммуникация фактически имеют место. Мы преодолеваем крайности и разобщение, которые, по видимому, некоторых до сих пор беспокоят.

О возможности такого диалога говорил Дональд Ливайн.

Да, «Образы социологической традиции» (“Visions of the sociological tradition”), я о них подумал. Я обращался к этой теме в рабо-

Скотт Джон — президент Британской социологической ассоциации, профессор социологического факультета университета Эссекса. **Адрес:** Department of Sociology, University of Essex, Wivenhoe Park, Colchester CO4 3SQ, UK. **Телефон:** +44 (0) 01206 872640. **Факс:** +44 (0) 01206 873410. **Электронная почта:** scottj@essex.ac.uk

Интервью проведено 11 марта 2004 г. доцентом кафедры социологии философского факультета Томского государственного университета А.Ю. Рыкуном, который также перевел текст с английского языка. Он благодарит директора английской редакции издательства «Сибирский проект» (г. Томск) Ж.И. Рабинович за помощь в работе над текстом.

тах, посвящённых дебатам и диалогу. Единство нашей дисциплины проявляется скорее в коммуникации и дискуссиях, чем в консенсусе. В этой связи заслуживает упоминания допущение, сделанное под влиянием книг, подобных работе Томаса Куна о научных революциях: при отсутствии теоретического консенсуса единственной альтернативой оказывается ситуация, в которой «всё позволено» (anything goes). Я думаю, значимость книги Ливайна состоит, прежде всего, в том, что он подчеркивает единство дисциплины, за которым стоит не всеобщее согласие, но понимание, что мы участвуем в некотором совместном деле и имеет смысл продолжать разговор, поскольку мы можем учиться друг у друга. Я думаю, что изменения происходят как раз в таком направлении.

В этой связи нельзя не вспомнить о «кризисе социологии». Ряд исследователей считает, что современное состояние социологии наиболее отчётливо характеризуется как раз данным термином.

Я не склонен его использовать. Очевидно, что термин заимствован у Куна и, в большей степени, у Гоулднера из «Грядущего кризиса западной социологии», который, как мне кажется, так и не грянул. Понятие «кризис» означает, что вы находитесь в некоторой критической точке, после которой наступит либо процветание, либо тотальный коллапс. Я не думаю, что мы сейчас находимся в этом состоянии. Конечно, был период серьёзных теоретических разногласий, проявлявшихся в любых социологических дебатах вплоть до конца 1960-х годов. В этой связи может сложиться впечатление, что консенсус в 1950–1960-х оказался разрушен. Но, на мой взгляд, многое было конструктивным. И это позволяет предположить, что состояние, которое некоторые воспринимают как кризис, связанный с постмодернизмом и постструктурализмом, преодолевается. Мы преодолеваем поляризацию, свойственную такого рода дебатам, в частности, носители традиционных социологических взглядов всё чаще приходят к осознанию того, что можно многое почерпнуть у постмодернистских и постструктуралистских подходов, не вступая в резкую конфронтацию с ними. В то же самое время те, кто прошел через постмодернизм, осознают, что структуралистские темы также заслуживают внимания.

Существуют разные точки зрения на перспективы объединения теоретической социологии. Гидденс говорит о четырёх темах: «консенсус и конфликт», «структура и действие (участие)», «гендер» и «основания социальных изменений». Дерек Лэйдер называет три дихотомии, вокруг которых разворачивается социологическая проблематика: «участие — структура», «индивид —

общество», «микро — макро». Какие темы или дилеммы, на ваш взгляд, объединяют дисциплину?

Я думаю, значительная часть попыток определения дилемм, дихотомий, дуализмов и так далее очень полезны для преподавания, но создают несколько утрированное представление о реальных различиях. В конце 1960-х годов, когда я был студентом, мы говорили о различиях между теорией консенсуса и теорией конфликта. Именно это деление воспринималось как основополагающее, и именно через призму такого деления воспринимались различия между Толкоттом Парсонсом, функционалистскими и структурными подходами, с одной стороны, и марксистскими и веберианскими, с другой. Так в то время учили студентов, но большинство социологов в своей фактической работе вряд ли подпадали под тот или иной ярлык. Мы черпаем из разных традиций. То же самое произошло в 1970-х, когда заговорили о «структуре и действии», в Америке в большей степени, о «макро и микро». Здесь, опять-таки, отражается некоторое разделение труда, и с этих позиций смысл в подобного рода различениях есть. Но я не думаю, что это некие фундаментальные философские различия, несовместимые друг с другом. Если взять структурную позицию и позицию действия, мы получим некоторое разделение труда, означающее, что исследователей попросту интересуют разные аспекты социального. Они получают ответы на разные вопросы, а не взаимоисключающие ответы на одни и те же вопросы. Они задают разные вопросы о социальной реальности. И я не вижу особой необходимости выбирать ту или иную сторону. Можно делать выбор в терминах предпочтения того типа социологии, который в наибольшей степени соответствует вашим способностям, от занятия которым вы получаете удовольствие. Это не означает, что непременно нужно отрицать ценность иного подхода, основывающегося на иной проблематике или иных темах.

Некоторое время назад я работал над книгой, посвящённой дискуссиям в социологии XIX и частично XX века и их современному продолжению. Мне хотелось выяснить, на основании какого принципа фактически организуется соотношение идей, весьма непростых. Я не ограничивался только отнесением к Марксу, Дюркгейму и Веберу, бесспорно ключевым фигурам, и хотел выйти на более обширные группы теоретиков из различных стран. Я пытался идентифицировать ряд тем, постоянно фигурирующих в нашей дисциплине. Безусловно, можно назвать определённых теоретиков или группы теоретиков, деятельность которых подпадает под ярлык, связанный с той или иной темой, поскольку они с нее начинают, однако становится очевидным, что их деятельность непременно пересекается с работой других теоретиков, и они вовсе не отрицают релевантность иных подходов. Мне кажется, например, что можно, в широком смысле,

говорить о проблематике систем, структурном или холистическом подходах и, опять-таки в широком смысле, конфликтном подходе, то есть обо всём том круге теорий, которые отталкиваются от видения социальной жизни как поля конфликта и которые, тем не менее, демонстрируют, что конфликтующие группы продуцируют социальные системы, которые являются результатом конфликта. Здесь нет несовместимости. То же самое верно в отношении подходов, подчёркивающих значимость естественной среды, природы в широком смысле.

Что кажется достаточно новым. В некотором смысле.

В известном смысле. В XIX веке инвайронментальное теоретизирование было развито весьма широко, хотя позднее оно утратило свою значимость. Сейчас оно возвращается, но в ином виде. Инвайронментальная позиция была связана с темой доиндустриальных сельских обществ и осознанием того, что развитие технологии позволяет обществам достичь большей автономии от окружающей среды. Теперь мы начинаем осознавать, что развитие технологии создаёт экологические проблемы. Я имею в виду идеи Ульриха Бека относительно общества риска и последствий экологических потрясений, вызванных технологическим ростом.

Мне удалось вычленить ряд социологических тем помимо тех, что связаны со структурой общества, конфликтами и окружающей средой. Существует множество авторов, занятых темой социализации как социально-психологического анализа того, какое влияние на индивида оказывают процессы научения, характерные для данного общества. Речь идёт о теориях имитации, самопрезентации, развития индивида и так далее... Другая тема, которую мне удалось выявить, обозначенная Максом Вебером, а также многими другими экономистами, связана с анализом действия и взаимодействия. Таким образом, автор, работающий в рамках подобной традиции, начинает с определённой темы, рассматривает социальную жизнь с соответствующей точки зрения и создаёт теорию, обладающую специфическими чертами. Однако подобные теории пересекаются друг с другом, они не исключают, а дополняют друг друга. Разумеется, всегда будут существовать различия между теориями конфликта и интеракции, систем и социализации, но не следует придавать этим различиям слишком большого значения. Анализ социальной жизни должен с чего-то начинаться, поэтому мы вынуждены конструировать теорию на основании определённого набора тех или иных предпосылок. Такого рода темы, основополагающие проблемные пункты будут сопровождать нас всегда, однако вовсе не следует совершать над ними акт реификации и превращать их в великие дуализмы и дихотомии, предполагающие фундаментальный выбор с нашей стороны.

Можно ли в этой связи говорить о «социологии мэйнстрима» или «мэйнстриме в социальной теории»?

Разговор о том, что означает «мэйнстрим», то есть о том, что занимает в данный момент многих, следует начать с того, о чём мы говорим, о социологии или о социальной теории, о том, необходимо ли нам такое различие.

Вопрос подразумевал такой момент.

Я всегда до некоторой степени отождествлял их, однако постепенно стал всё больше об этом задумываться, прежде всего, в связи с реакцией рецензентов на мои работы. Когда я говорю о социологической теории, то в ответ нередко слышу, что это слишком узко и что следует говорить о социальной теории.

Таким образом, социальная теория просто более широкое понятие?

По-видимому, да. И мне кажется, в этом заключается причина того, что сегодня мы чаще используем термин «социальная теория». В Британии, по крайней мере, он стал более привычным. Это связано с тем, что возросло значение междисциплинарных исследований в социальных науках. В частности, на социологов оказало влияние появление культурных перспектив, а также участие в совместных исследованиях с экономистами, политологами и так далее. В этой связи происходит осознание, что используемые нами теоретические идеи, которые мы усвоили в процессе социологического образования, далеко не всегда единственно релевантны тем или иным эмпирическим проблемам. Во многих смыслах университетские дисциплины, с которыми мы имеем дело, представляют собой лишь исторические артефакты. Различие между экономикой, политологией и социологией — это вовсе не обязательно различие между онтологически отдельными предметами. Они возникли в результате исторической случайности, явившись способом, при помощи которого исследователи определяли себя в профессиональных терминах. Поэтому часто можно обнаружить, что дебаты в истории, географии и политической науке — это те же самые дебаты, что и в социологии. Отсюда можно констатировать наличие более широкой предметной области — социальной теории. И социология, *если* она действительно всерьёз стремится рассматривать общество в целом и претендует на статус королевы наук, не может это игнорировать. Однако прежде мы были склонны отдавать определённые темы другим наукам, например экономике или географии. Одной из причин отсутствия социологического интереса к тематике окружающей среды было то, что она рассматривалась как сфера интересов географии. Я полагаю, что существует такая вещь, как социальная теория, представляющая собой рассуждения по поводу общественной жизни во всех ее аспектах, и что экономисты, политологи, историки и другие могут принимать в этом участие. В свою очередь, социология как дисциплина была связана с оп-

ределёнными специализированными областями, не затронутыми другими социальными науками.

Например...

Религия, образование, социальный класс. А затем, по крайней мере, в Британии и Соединённых Штатах, в 1960-х годах началась колоссальная экспансия университетской системы и социальных наук, и это привело к тому, что некоторые сферы разрослись и отделились от социологии. А такие области, как промышленная социология, некогда занимавшая очень важное место в социологии, практически исчезла. Её тематика перешла к исследователям управления и организации и школам бизнеса. Сохранилась социология труда (*sociology of work*), но она не рассматривает целый ряд тем, относившихся к промышленной социологии. Вследствие экспансии факультетов политологии на социологических факультетах практически не осталось политической социологии, лишь на очень немногих социологических факультетах предлагаются программы по этой дисциплине. Джон Урри ещё в 1980-х годах написал доклад для одной из конференций Британской социологической ассоциации о том, что же такое социология: королева наук или паразит на их теле, является ли она большой всеобъемлющей дисциплиной, которая служит для всех интегрирующим началом, или лишь подбирает по кусочкам то, что осталось после работы экономистов, политологов и прочих. Эндрю Сэйер (*Andrew Sayer*) недавно назвал социологию «остаточной дисциплиной». И здесь, мне кажется, представлены два разных видения (*images*) природы социологии: как интегрирующей дисциплины и как агломерации, у которой нет собственного содержания и которая питается разного рода остаточными фрагментами.

Не могу не спросить о вашем мнении.

Конечно, «королева наук» (со смехом).

Ответ инсайдера.

Разумеется. Я думаю, социология должна заниматься обществом в целом, поскольку ни одна другая дисциплина этим не занимается. Однако я отдаю себе отчёт, что та особая тематика, специализация, которая присутствует в преподавании и исследованиях социологических факультетов, в большей степени отражает модные веяния в других дисциплинах и междисциплинарных исследованиях. Такого рода специализации приобретают значимость и теряют её, и поэтому не следует стремиться к тому, чтобы на каждом факультете предлагались все возможные программы и проблематика. Специализация возможна при наличии ядра, состоящего из теоретических и компаративных курсов, которые дают панораму общества в целом. Например, на вашем факультете представлена тематика здравоохранения и криминальная тематика, но нет политической социологии и социальной

стратификации. Это вполне допустимо, если у вас есть курсы теоретической социологии, благодаря которым студенты приобретают представление о том, что есть общество в целом...

Вернёмся к вопросу о мейнстриме. В зависимости от того, будем ли мы спрашивать об англофонной социологии в целом или о британской — в частности, можно, наверное, услышать разные ответы. Но имеет ли смысл говорить о мейнстриме в англофонной социологии в целом?

Мне представляется, что в Британии, по крайней мере, социология мейнстрима всегда представляла собой сочетание Маркса и Вебера. Для неё характерна структурно-системная проблематика, организованная вокруг таких тем, как роль коллективного действия классов и других групп. Такая тематика присутствует в ряде подходов исторически фундированной социальной теории. Некоторые работы такого рода оказали влияние на мировую социологию, например на Майкла Манна, работающего в значительной мере в рамках данной традиции, и Энтони Гидденса. Гидденс под влиянием французской и немецкой традиций постепенно двигался в сторону теории позднего модерна, однако в своих ранних работах он отталкивался от Маркса, Вебера и Дюркгейма и от тематики классовой структуры, а это было как раз в русле той традиции мейнстрима, фактически Маркса и Вебера, о которой я говорил. Его заимствования из Дюркгейма связаны, в основном, с материалистическими, экономическими и политическими аспектами. Вот это мейнстрим, в значительной степени.

Такой подход пользовался популярностью в Соединённых Штатах, однако там функционализм всегда был сильнее, чем здесь, в Британии, и это заметно и сейчас. Поэтому там есть авторы, по-прежнему стоящие на позициях неофункционализма, и те, кого больше привлекает историческая сторона, веберианская. Так бы я ответил на ваш вопрос о мейнстриме, однако это моё мнение. И на мой взгляд, те кто принадлежат мейнстриму, участвуют в диалоге с теми, кто вне его. Эти позиции не являются полностью самостоятельными и изолированными от других.

Вы заметили, что британской социологии всегда был свойствен интерес к проблеме социального класса и социальной стратификации. Насколько релевантна тема «социального класса» сейчас? Высказываются предположения, что такие концепции, как «жизненный стиль» или «инклюзия–эксклюзия» более релевантны в современных условиях.

В своё время я много занимался социальными классами и склонен полагать, что это по-прежнему важная тема. Однако смысл её изменился (the significance has changed). Существуют очевидные доказательства того, что, если иметь в виду распределение дохода и

собственности и связанные с этим жизненные шансы, класс существует как материальная реальность. Однако то, как люди определяют свою ситуацию, уже не связано с классовой терминологией. Они воспринимают свою ситуацию в терминах потребления, жизненного стиля, и это заставляет включить в повестку дня тему личных установок. Постмодернизм научил меня тому, по крайней мере, что сознание людей и их определение ситуации следует воспринимать всерьёз. Поэтому мне кажется, что все те вещи, на которые обратили внимание Гидденс, Бауман и другие в связи с рефлексивной модернизацией, чрезвычайно важны для понимания культурных изменений и изменения идентичности. Но это не обязательно означает исчезновение классовых отношений, лежащих в основании этих процессов. Я не думаю, что необходимо делать выбор между теорией идентичности и теорией класса. Мне кажется, они комплементарны, поскольку обе обладают объяснительной силой в отношении интересующих нас вещей.

Как бы вы отнеслись к следующей, очень условной, схеме: концепция «жизненного стиля» в большей степени, более детально описывает поведение представителей «верхнего» рабочего класса и «нижних» и «средних» слоёв среднего класса; если говорить об обществе в целом, то весьма привлекательной оказывается дихотомия «инклюзия–экслюзия»; таким образом три концепции — класс, жизненный стиль и «инклюзия–экслюзия» — оказываются совместимыми?

Мне кажется, что фактически вы говорили о релевантности всех тех прежних идей, которые связаны с темой массового общества. Повидимому, у нас сейчас есть нечто, сближающее нас с идеей массового общества. Центральный сегмент общества, то есть упомянутые вами сегменты рабочего и среднего класса, объединены сходством жизненного стиля, который является предметом стандартизации и дифференциации, связанных с культурой моды и так далее. Поэтому все те многочисленные идеи, которые появились в 1940–1950-е годы относительно массовизации общества и массовой культуры, сейчас, возможно, более релевантны, чем в то время.

Даже более релевантны?

Мне так кажется. Я думал об этом в связи с идеями Адорно относительно «культурной индустрии» и «массовой культуры». Он писал о культурной индустрии в 1940-х, однако все современные исследования, посвящённые процессам в популярной культуре, демонстрируют как раз то, что он говорил, только на более высоком уровне. Мы имеем дело с той странной смесью стандартизации и гомогенизации, вокруг которой расцветает вариативность. Опять-таки я против заимствования концепции массового общества в целом, однако мне кажется, что она делает возможным понимание некоторых тенденций в

культуре настоящего, того, что культурная стандартизация и гомогенизация мейнстрима, центральных сегментов общества сосуществуют с лежащими в его основании классовыми различиями, что неспособность людей участвовать в жизни общества обусловлена их материальным положением и, таким образом, по-прежнему есть те, кто исключён из вхождения в подобный мейнстрим.

Несколько раньше вы упомянули концепцию «рефлексивной модернизации». В этой связи хотелось бы обратиться к теме общественной релевантности социологии. В каких сферах и в каком смысле можно говорить о такого рода релевантности?

Я думаю, социология обладает значительной общественной релевантностью, однако социологи далеко не всегда стремятся обнародовать имеющиеся у них знания реального мира. Мы пишем для социологов, а не для обычных людей. С другой стороны, верно и то, что представители масс-медиа и правительства обычно не слушают социологов и не ищут социологической информации. Многие из того, что они делают и говорят, социологично, хотя это нередко ущербная (misinformed) социология. В прошлый уик-энд по телевизору показывали программу одного философа, посвящённую статусной тревожности. Я говорю об Алене де Боттоне (Alain de Botton). Он утверждал, что в современном обществе существует колоссальная озабоченность статусом, тем, как нас воспринимают другие, и вокруг этого возникает масса тревожности. Это была двухчасовая программа на главном телеканале, и у него есть книга на эту тему. Его в этой связи интервьюировали другие телепрограммы, и выходили газетные статьи. То, что он говорит, относится к социологическому мейнстриму. В своей книге он упоминает де Токвиля и Маркса, однако не обращается к трудам Дюркгейма и Мертонса с его теорией аномии и ко всей уже проделанной колоссальной работе по относительной депривации и социальным сравнениям. Он говорит о том, что уровень тревожности в значительной степени определяется тем, с кем люди себя сравнивают, но по этому поводу существует громадная масса исследований.

Уже после Мертона.

Да. И совершенно очевидно, что де Боттон не пытался ознакомиться хотя бы с самыми основными социологическими работами просто потому, что не думал об этом как о социологической проблеме. И вот в итоге он формулирует все эти идеи и фактически изобретает колесо. Он говорит об этом, как будто это что-то совершенно новое, но социологи обсуждают эти темы уже очень и очень давно.

По крайней мере полвека, если не дольше.

Верно. И вот он это проговаривает и привлекает к себе широкое общественное внимание. Пример показательный в отношении пуб-

личного статуса социологии. Как правило, она не воспринимается как дисциплина, которой есть, что сказать. А между тем это так. Она чрезвычайно нужна обществу. Возможно нам следовало бы предпринимать несколько более активные усилия, чтобы наши идеи были услышаны общественностью и восприняты именно в качестве социологии. Это, например, касается дискуссий по поводу политики в отношении преступности, здравоохранения и так далее. Однако лица, принимающие политические решения, не считают, что здесь социологи могут сказать что-либо важное. Достаточно посмотреть газеты, обратить внимание на то, что говорят по этому поводу комментаторы: они не предпринимают ни малейшей попытки обратиться к социологическим исследованиям по тому или иному вопросу.

Это связано с позицией общественности, с британскими традициями академического образования или с позицией самих социологов?

Со всем сразу. Мне кажется, причиной отчасти является то, что в сознании многих социология по-прежнему обладает несколько негативным имиджем. Социология была модной дисциплиной в 1960-х, и тогда возникла ассоциация со студенческими радикальными движениями.

Здесь, в Британии?

Да, в Британии. И мне кажется, что тогда, в 1960-х, многие социологи в своих выступлениях преувеличивали возможности своей науки, и, хотя сейчас такие претензии уже никто не озвучивает, какая-то память о них осталась. Существует мнение, что социология — это не настоящая наука и что она не заслуживает серьёзного отношения к себе. Отчасти это привело к тому, что сами социологи стремятся стать незаметными и делать ту работу, которая не требует выхода в публичную сферу, а значит, и не влечёт за собой опасности столкнуться с враждебной реакцией.

Еще одна причина, по моему мнению, состоит в том, что многие воспринимают социологию не как дисциплину, академический предмет, а как нечто, о чём говорят в пабе или гостиной. Многие считают, что вполне могут заниматься социологией самостоятельно.

Без всякого специального образования.

Да. Поэтому кажется, что кто угодно может говорить об обществе и социальной жизни, для этого не нужен специалист, подобно тому, как он нужен при постройке моста или здания. Я думаю, что имеет место объединение этих разных причин: своего рода негативного имиджа, того обстоятельства, что социологи практически ничего не писали для широкой публики, и того, что сама публика не ощущает никакой потребности в научном обосновании своих мнений.

Это касается всех социальных наук или только социологии? В отношении экономики ситуация выглядит иначе?

В отношении экономики — иначе. Экономика воспринимается как дисциплина, связанная с чем-то таким, чего люди на самом деле не понимают, люди с радостью признаются в том, что ничего не понимают в деньгах.

И в экономике есть цифры.

Совершенно верно. И все понимают, что здесь, по-видимому, есть и какое-то экспертное знание. Поэтому, несмотря на то, что экономисты были неуспешны в своих предсказаниях, данная наука по-прежнему воспринимается как достойная уважения. И мне кажется, подобным же образом некоторая респектабельность оказывается присуща и политической науке, потому что в Британии, по крайней мере, как только происходят какие-нибудь выборы, телекомпании тут же идут в университеты и находят кого-нибудь с факультета политологии, кто может поговорить о том, почему люди голосуют так, а не так, и об изменениях в политической и партийной лояльности. Они всегда на телевидении выступают на подобные темы. Возможно, это потому, что здесь видят некоторую особую область, но возможно, и потому, что, поскольку социология, как я уже говорил, должна занимать всем, возникает впечатление, что она не занимается ничем.

Определённым...

Именно. То есть, если вам нужен кто-то, чтобы поговорить о преступности, вы ищете криминолога, если о промышленности, вы идёте к экономисту. А зачем, спрашивается, идти к социологу?

В 1980-х годах существовало такое направление, как «реализм новых левых» (New Left Realism); оно было признано публикой и имело социологические корни. Я вспомнил о нём, потому что вы упомянули криминологию. Наиболее известным тезисом новых левых реалистов было то, что общество проигрывает войну с преступностью. Существует ли сейчас эта позиция и каковы её истоки?

Эта позиция в основном и сформировалась в 1980-х годах. Сейчас такой особой цельной позиции не существует. Но интересно, что в последние десять лет в Британии мы видим колоссальный взлет криминологии. В 1960-х криминология воспринималась как старомодная и тупиковая, позитивистская ветвь. Возникало множество подходов, связанных скорее с социологией девиации, а не с криминологией, и именно социология девиации была сегментом наибольшего роста. Причём социология девиации в Британии развивалась как часть мейнстрима, о котором мы говорили. Её представители во многом опирались на Маркса и Вебера. В 1970-х заговорили о «новой криминологии» как о теории, выросшей из американского интерак-

ционизма с некоторыми элементами Маркса и Вебера, что делало возможным анализ столь комплексной области.

И теории рационального выбора?

До некоторой степени. Мне кажется, реализм новых левых был всё-таки продолжением этого мейнстрима как своего рода критический подход к криминологии с марксистски ориентированной точки зрения.

Однако эта позиция обеспечивала целостную перспективу. Существовали подходы, объяснявшие паттерны криминального поведения, но они не давали картины криминальной ситуации в обществе в целом, а реализм новых левых такую картину дал.

Согласен. Сегодня криминология воспринимается как особая сфера знания потому, возможно, что её имидж был существенно реконструирован. Та криминология, которая существует сегодня, в основном представлена исследователями, ассоциирующимися с реализмом новых левых и социологией девиации; они реконструировали криминологию таким образом, что она стала совершенно иной дисциплиной, предлагающей целостную перспективу.

И дисциплиной с сильными социологическими корнями?

Разумеется, причём, как вы, наверное, уже убедились, на данном факультете существует целый ряд людей, определяющих себя как криминологов. Когда мы начали программу подготовки специалистов по социологии и криминологии, она очень скоро превратилась в нашу крупнейшую программу. Сейчас по ней обучается почти столько же студентов, сколько по основной социологической программе, мы даже набрали дополнительный персонал. Если оценивать ситуацию по стране в целом, можно утверждать, что подобная модель типична для факультетов, заинтересованных в расширении. В основном расширяются за счёт криминологии. Другая популярная область — это здравоохранение. Здравоохранение и криминология служат очень хорошей основой для расширения.

В чём причина такого роста популярности криминологии? Это обусловлено криминальной ситуацией или всего лишь модой?

Я думаю, изучение преступлений всегда было популярным направлением в социологии. И, по-видимому, в 1970-е возникла своего рода паника по поводу роста преступности. Отсюда интерес к данной теме. И мне кажется, многие согласятся с тем, что большой вклад в придание некоего гламура преступности внесли телевизионные программы: о работе полиции, судебной и криминальной психологии. Мне кажется, на факультетах психологии есть данные, что многие из тех, кто изучает психологию, поступают на соответствующие факультеты потому, что хотят стать такими же криминальными психологами, как и те, кого показывают по телевизору. Это очень популярный образ. Само

по себе внимание публики к преступности, как к сообщениям о реальных преступлениях и документальным сюжетам о преступности, так и к телесериалам, сделало данную область весьма заметной в университетской среде. Криминал стал заметной темой, и поэтому когда люди думают о карьере, они делают этот выбор. Таким образом, причиной, в значительной степени, был спрос со стороны студентов.

А спрос со стороны студентов был вызван СМИ...

Таково моё мнение.

Теперь мне хотелось бы поговорить о другой разновидности реализма, о «критическом реализме». Насколько я понимаю, это исконно британское направление социальной мысли?

В значительной мере. Был некоторый интерес к этому направлению в Соединённых Штатах, но возникло оно в Британии. В то же время ярлык «критического реализма» практически не находит применения за пределами социальных наук. Именно так обстоит дело в философии, хотя Рой Бхаскар, например, ведущая фигура данного направления, — философ. И он практически постоянно до самого недавнего времени работал на философских факультетах, как и Харре (Harre), его учитель. Тем не менее философы не приняли критический реализм как особую теоретическую позицию. Они понимают под критическим реализмом нечто совершенно другое. Мне кажется, понимание критического реализма в социальных науках близко к теориям, являющимся частью социологического мейнстрима: это марксистские, а также дюркгеймианские идеи, сосредоточивающие внимание на социальной структуре и чрезвычайно ограниченном индивидуальном действии. Поэтому акцент критических реалистов на структурах и механизмах оказался столь созвучным социологии. Такова была, по крайней мере, интерпретация Кита и Урри в книге «Социальная теория как наука» (“Social Theory as Science”), популяризовавшей данное направление.

Будет ли правильно предположить, что критический реализм соответствует фундаментальным основаниям социологии?

Что он, так сказать, удобен для социологов и, в некотором роде, является возрождением дюркгеймианской социологии?

Мне так кажется. Значение критического реализма возросло в то время, когда возникло особое внимание к интеракционистским и постмодернистским теориям, бросающим вызов всей структурной традиции. Поэтому те, кто солидаризировался со структурными подходами, нашли, как им показалось, в критическом реализме философское обоснование для аргументов в защиту социологии перед лицом постмодернистского вызова.

Аргументы в защиту дисциплинарной идентичности, дисциплинарного ядра социологии?

Да, я думаю, он даёт такое основание.

Последний вопрос. Какие темы вы считаете наиболее значимыми для современной социологии? Какие темы, в том числе представляющие общественный интерес, наиболее активно обсуждаются социологическим сообществом?

В рамках социологии как дисциплины?

Да. Мы, таким образом, опять возвратились к теме публичной релевантности.

Я опять выскажу своё личное мнение. Для меня центральное место занимает достаточно старая тема: тема объективности науки и роли ценностей в социологии. Эта тема широко обсуждалась в прошлом, и, как правило, давался несколько автоматический ответ, в котором подчёркивалось значение свободного от ценностей, объективного учёного. Этот ответ совершенно справедливо подвергался критике за необъективность, которая нередко оказывалась связана с подобным персонажем. Однако мне кажется, что в 1980–1990-х годах появилось стремление вновь открыть эту тему. Подобное стремление подразумевает, что за многообразием теоретических взглядов стоят различающиеся позиции в отношении ценностей: феминистские идеи, постколониальная теория, разновидности марксизма. Сегодня многие склоняются к тому, что всё, что мы делаем, имеет ценностную природу и что, если ты мужчина, ты не можешь изучать такие-то темы, а если ты человек западной цивилизации, то вот такие...

И если ты англосакс...

Именно. Такая точка зрения отражает понимание социологической традиции как традиции белых мужчин, к тому же ещё и покойных. Но если говорить серьёзно, то вопрос звучит так: как представители разных точек зрения, приверженцы разных ценностей могли бы участвовать в конструктивном диалоге и как фактически мы могли бы реконструировать то, что подразумевается под объективностью и истиной, с учётом существования такого рода различий. Как мы можем утверждать, что нечто надёжно, валидно, значимо и заслуживает внимания со стороны внешнего мира? Недавно я перечитывал Маннгейма, в частности то, что он говорил об интеллигенции. Фактически он говорил об этих свободно парящих и относительно отстранённых интеллектуалах, что они способны рассматривать мир с разных точек зрения и участвовать в диалоге с представителями разных позиций. Таким образом, он опять-таки говорит о «реальном обсуждении, реальном диалоге и реальных дебатах». Объективность в науке достигается тогда, когда представители разных позиций говорят друг с другом. Из конфронтации противоположных точек зрения возникает

более широкая перспектива. Я сейчас выскажу в некотором отношении очень гегельянскую мысль: если у вас есть некто, пишущий с феминистских позиций, и некто, пишущий с маскулинных позиций, то обе эти позиции содержат частичную истину; посредством их сведения и организации диалога между ними вы получаете нечто, являющееся не всей истиной, но более общей истиной, чем те, что заключены в каждой из данных позиций по отдельности. И если оценивать состояние социологии в целом, то чем больше голосов мы сможем услышать и включить в диалог, тем ближе окажемся к тому, что можно назвать объективной социальной наукой, способной оказывать влияние на политические и другие дискуссии в реальном мире.